

Митрополит Сурожский Антоний

МЫ СОЗДАВАЛИ ОБЩИНУ ТРУДОМ И ВЕРОЙ
(НГ религии №6 от 21.08.2002)

Дорогой владыка Иларион, с чувством глубокой скорби начинаю это письмо. Неужели ты не понимаешь и не чувствуешь, что, давая всенародную огласку трагедии, которая разыгралась в Сурожской епархии со времени твоего прибытия в Англию, ты не только расшатываешь стройную (до твоего приезда) жизнь епархии, но подрываешь многолетний труд, положенный другими, и всенародно позоришь имя Русской Церкви во всей Европе и Америке? А картина, которую ты даешь, большей частью не соответствует действительности. И сколько озлобления и мстительности может непредубежденный читатель прочесть в твоих личных нападках на владыку Василия и других!

Ты пишешь, что я сам просил Патриарха отрядить тебя в Сурожскую епархию. Сначала речь шла о твоем назначении исследователем при Кембриджском университете. Позже митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл сказал, что он тебя в помощь мне не отпустит иначе как в сане епископа. Я на это согласился с готовностью, ожидая в твоем лице чуткого, понятливого сотрудника. В этом я ошибся: я ожидал одного человека, а прибыл другой. В самый первый день твоего приезда ты мне сказал глубоко смутившую меня фразу: "Когда на меня возложили руки при хиротонии, я почувствовал, что я теперь архиерей и ЧТО У МЕНЯ ВЛАСТЬ". Это меня ужаснуло, так как я всю жизнь верил, что мы призваны СЛУЖИТЬ, а не властвовать. Я обратил на это твое внимание, но, видно, безуспешно: с самых первых дней твоего пребывания в нашей среде ты своим авторитарным обращением настолько восстановил против себя все лондонское духовенство, что у меня попросили разрешения устроить встречу между нами, на которой они могли бы высказать тебе свои переживания.

Эта встреча благого результата не имела, ты не сумел "услышать" крик раненых душ и только вынес вражду против тех, кто с искренностью и правдивостью говорил тебе правду. То же самое случилось и тогда, когда другая группа духовенства (владыка Анатолий, опытный и правдивый архиепископ, протоиереи Сергей Гаккель и Михаил Фортунатто) встретилась с тобой и высказала свои недоумения, к которым я прибавил и свои критические замечания. Ответить нам ты отказался. Смущение, связанное с тобой, стало шириться и "темнеть". Ты начал, пользуясь всеми встречами с прихожанами, собирать вокруг себя почитателей и сторонников, все больше разделяя приход на "своих" и "иных". Я попросил тебя посещать провинциальные приходы, что ты и сделал очень успешно, однако и в них после твоих посещений началось разделение на "своих" и "чужих" не только среди мирян, но и среди духовенства.

Впервые после пятидесяти трех лет моего служения в Великобритании и Ирландии начало рождаться взаимное отчуждение. Ты начал ставить священникам на вид, что даже после многих лет служения они не удостоились церковных наград. (Я на самом деле в награды не верю, считая, что служить Богу и людям - самая большая честь, которая может выпасть на долю человека, и отмечал крестом лишь многолетнее служение и саном протоиерея многолетние труды.) Также ты обращал внимание священников на незначительность их "зарплаты" и на то, что некоторые из них совмещают служение Богу и людям с мирской работой, ввиду того что приходы в провинции немногочисленны и пастырское окормление верующих не может заполнить "рабочий день". Я сам несколько лет совмещал пастырское служение с работой врача в Париже. Денежная тема, как и тема о награждениях, стала играть роль, которую она

раньше не играла. (Сам ты потребовал 40 тыс. фунтов.)

А теперь я хочу перейти на основную тему и сказать несколько слов о самой Сурожской епархии, являющейся "наследницей различных течений в истории современной Русской Церкви". До революции во всех столицах были посольские храмы, после революции их не стало, но зародились молитвенные центры либо в оставшихся часовнях и храмах (как в Париже), либо в домовых церквях. Они обслуживались духовенством, которое уже жило за границей, либо новоприбывшими изгнанниками. Их отличала крайняя беднота и пламенная русская православная вера в Бога и Родину. Поколение моих родителей и мое поколение познали Бога "по-новому": до революции Бог пребывал "во славе" в церквях и соборах, здесь же Бог открылся нам как Изгнанник, преследуемый на нашей Родине и "не имущий, где главу преклонити". В Нем мы с изумлением познали Бога-Изгнанника, Который все понимает, "ниже Которого никто не может быть унижен". В предельной бедноте домов и храмов Он жил среди нас, Он был нашей надеждой и силой, утешением и вдохновением. И из этих глубин прозвучал голос Бердяева, говорящий нам, что мы не побежденное стадо, но что Бог нас избрал, чтобы мы в немощи нашей принесли православие всему миру. И мы по-новому увидели и себя, и земли нашего изгнания. Мы нашли призвание в том, в чем раньше было неизбывное горе. И мы стали свидетелями православия и возлюбили нашу бедноту, которая открывала нам доступ к самым обездоленным.

Много лет спустя я встретил Патриарха Алексия I, будучи только что рукоположенным во епископы, он мне дал поручение: строить Церковь, которая была бы православной до самых своих глубин, чисто русской духовной и богословской традиции и была бы открыта всем, кто ищет Бога или Его еще не ищет, какова бы ни была их национальность и язык. В то же время и лондонский приход созрел для осуществления этого призвания. Умножились смешанные браки, дети стали менее свободно говорить по-русски. Мы тогда открыли школу, где преподавался русский язык и все предметы, которые связаны с русской культурой и православием. Мы обнаружили, что русская стихия дремлет даже в душах детей, для которых русский язык уже не был языком их мысли и речи. Когда мы стали учить детей русским песням, одна девочка подошла ко мне и сказала: "У меня всегда было чувство, что что-то в моей душе спит, с тех пор как мы начали петь песни на русские мотивы, случилось, будто чья-то рука коснулась дремлющих струн моего сердца, и оно все запело". Но смешанные браки числом увеличились, все больше мужей и жен уже не были русскими по происхождению (за все годы мы совершали браки на восьми языках). Тогда русскоговорящие члены прихода решили вводить в богослужения английский язык (до этого я в частном порядке для небольших групп детей и молодежи периодически служил по-немецки, по-французски и по-английски). Так вырос многоязычный, многонациональный приход чисто русской традиции. И когда мне митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) предложил перейти на служение в Америку, я ответил, что для твердого установления многоязычного многонационального русского православия в Англии мне нужно еще тридцать лет.

Эти годы прошли, и ты, владыка, мог бы полностью включиться в работу, охватив и огромный наплыв новых русских эмигрантов. Но ты стал разделять одних от других, тогда как при прекрасном знании языков ты мог бы стать "всем для всех". Я тебя просил не вносить ничего нового в епархию, пока ты не впитаешь ту жизнь, которой она жива, но ты решил вести "свою" работу по-своему. На замечание одного священника о том, что ты меняешь нашу практику, ты ответил: "Он поступает по-своему, я - по-своему".

Такое строительство было возможно лишь при ПОЛНОЙ ВЗАИМНОЙ ОТКРЫТОСТИ всех членов прихода и епархии. Эта открытость требовала с самого начала

готовность прислушиваться друг ко другу независимо от иерархического положения, ибо воля и истина могут открыться только через готовность слушать и слышать другого, кто бы он ни был. Этого ты не сумел принять. На критику ты отозвался негодованием, чувством унижения и обиды и отреагировал враждебным отношением к тем, кто не только имел право говорить с тобой без обиняков, но считал это своим долгом перед тобой и перед общиной, Церковью все высказывать без прикрас. Только на началах такой открытости надеялся я построить общину, состоящую из ответственных людей, не боящихся высказываться на все темы жизни. На этих началах мы строили приходские советы, приходские собрания, собрания священников, съезды епархии, архиерейские совещания, одним словом, все встречи, на которых каждый мог бы все сказать, что он думает, в уверенности, что будет услышан. Такой подход исключает всякую авторитарность ("с епископом не спорят"). Такой подход требует глубокого принятия другого не как иного, а как друга, как частицу Тела Христова.

После короткого времени твоего пребывания в нашей среде, когда взаимные отношения стали слишком натянуты, я решил созвать все духовенство на встречу, на которой каждый смог бы все высказать и на которой я сам вдумчивым обсуждением проблем смог бы водворить мир и открыть путь к открытости и крестному принятию друг друга. Я сознательно тебя на эту встречу не пригласил, чтобы все могло быть высказано и объяснено, чтобы открылся путь, быть может тернистый, но такой путь, по которому мы пошли бы, "взяв крест" и с готовностью собой пожертвовать ради тебя и друг друга. Увы! Кто-то дал тебе знать об этом собрании. Ты на него прибыл, разразился часовым докладом и погубил возможное единство. И сделал ты это, даже не снесясь со мной. Собрание стало стычкой, еще резче отделившим тебя и "твоих" от "других" и перепутавшим все в сознании многих, так как мирное обсуждение твоего положения и той бури, которая грянула в связи с твоим приездом, стало невозможным. До этого еще твои сторонники начали "наводнять епархию полемической литературой, вербуя и священников и мирян в твой лагерь", при активном и вредном участии твоей матери (которая за все месяцы пребывания в Лондоне ни разу не подошла ко мне даже поздороваться). Весь упор такого собрания в том, чтобы верующие - ответственные православные - воссоздали то единомыслие и единодушие, которое было пошатнулось. Этому ты не дал сбыться, а только углубил разделение, радуясь, что "многие" стали на твою сторону, не понимая, что речь не о победе одних над другими, а в воссоздании того единства, которое существовало в течение 33 лет до твоего приезда. Мы создавали с трудом и верой ответственную, зрелую общину. За этот труд мы должны взяться заново. Ты оказался причиной (не только поводом) к разрыву. Мне пришлось после нашего разговора втроем (с тобой, владыкой Василием и мной) попросить тебя подать Святейшему прошение о переводе тебя на другую кафедру или должность. (Письмо, посланное тобой Патриарху, ты не счел нужным мне показать, я об этом и не просил, доверяя тебе.)

А теперь, не довольствуясь той смутой, которую ты произвел в сложной, но единой созревающей епархии, ты и твои сторонники решили вынести всю эту тьму в среду иноязычных недоброжелателей, только ожидающих повода затопить грязью нашу многострадальную Русскую Церковь. Епархия "в становлении" (в ней собрались различные национальности Христа ради, как в древней Церкви, кладущей начало будущей Православной Церкви Западной Европы, живущей верой и кровью мучеников Церкви Русской) будет воспринята как распадающаяся община, которая не устояла и забыла свое призвание.

В твоих публичных выступлениях меня прежде всего поразило непонимание

встревоженности ответственных деятелей епархии. Владыка Василий, например, ждал воего приезда, как и все мы, с открытым сердцем, надеждой на сотрудничество и с надеждой на будущее. Ты напрасно усмотрел у него недоброжелательность. Однако он вернулся из России после участия в твоей хиротонии в смущении. Ходили слухи о том, что, как только я уйду на покой, именно ты будешь назначен митрополитом Суражским без году неделю после того, как стал епископом, самым младшим архиереем Русской Церкви. Это шло против всех наших ожиданий и было несовместимо с правилом об избрании архиерея епархией и принятием его Патриархией. Мы все ожидали, что на мое место вступит владыка Василий, и были удивлены тем, что такое решение принято Москвой без единого слова, обращенного к нам. Ты сам по приезде сообщил мне ту же новость якобы со слов митрополита Кирилла, взявшего с тебя слово, что ты мне об этом ничего не расскажешь. Ты не считал возможным этого скрыть от меня как от своего духовника. Но когда в силу распространившихся слухов я поставил напрямик вопрос владыке Кириллу, то он мне ответил, что это ложь, что ничего подобного он тебе не говорил... Как избежать смущения?

Известие это, конечно, потрясло многих, усмотревших в нем то, что ты называешь "вмешательством Москвы". Причем не Патриарха, а именно ОВЦС, являющимся всего лишь административной инстанцией, а не иерархическим началом, которым может быть только Патриарх.

В действиях владыки Василия ты усмотрел вражду по отношению к себе, тогда как на самом деле его реакция соответствует нашим чувствам на подобное самоуправство. Так же как владыка Василий и я, отреагировали и выборные члены епархиального и епископского советов, но без той личной злобы, которую ты усматриваешь во всяком проявлении неодобрения. Для тебя они стали врагами, тогда как на самом деле они являются хранителями строя епархии, защищающими нас от управления ОВЦС, которому многие русские не доверяют из-за сложных отношений, существовавших и, быть может, до сих пор еще существующих между Церковью и государством.

Мы в свое время предоставили Патриарху набросок возможного Устава, соответствующего и Вселенским канонам, и Постановлениям Собора 1917-1918 гг., и, что немаловажно, законам Великобритании. Патриархия на нашу повторную просьбу рассмотреть и принять этот Устав (если нужно с небольшими поправками) ни словом не отозвалась. Мы предполагали безмолвное согласие, имея в виду слова, сказанные мне покойным Патриархом Алексием I: "Мы этот Устав в данное время принять не можем, но живите по нему". Согласие, а не холодное отвержение без обсуждения. Но мы горько ошиблись: видимо, в твоём лице ОВЦС хочет безраздельно управлять всей русской диаспорой.

В течение десятилетий было невозможно пригласить кого-либо из России в нашу епархию из-за недоверия, которое внушали нам некоторые деятели, посещавшие нас из далекой, любимой, но все еще несвободной Родины. Этим объясняется то, что у нас нет достаточного числа русских молодых священников. В этом также играют роль и стесненные денежные обстоятельства (много лет мы не хотели получать какую бы то ни было помощь из России, чтобы деньги не стали кандалами на наших руках и ногах, а главное, на нашей совести и свободе).

Все сейчас меняется, и кое-что можно было бы и пересмотреть. Но, во всяком случае, выбор священника должен быть, безусловно, за нами. Если бы ты приехал к нам священником и после нескольких лет осел бы окончательно и был бы нами принят, то не было бы теперешних проблем.

Я не стану возвращаться к вопросу о том, как архиепископ Анатолий был

принужден уйти на покой для того, чтобы уступить тебе свое место. Об этом я писал отдельно.

Дорогой владыка, пожалей Русскую Церковь и вели своим сторонникам прекратить подрывную деятельность. Замолчим все, станем молить Бога о его мире и положим благое начало дальнейшему строительству Сурожской епархии и твоей новой деятельности на благо Русской Церкви вне пределов Великобритании и Ирландии. Да будет Христос посреди нас!